

Лантух Н.А.

ДОМ КАК САКРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР И САКРАЛЬНАЯ ГРАНИЦА В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Традиционные смыслы фольклора, составляющие каркас национальной модели мира, формируют некое виртуальное пространство, систему - "комплекс устойчивых и общезначимых представлений, определяющих способ ориентации и поведения в мире коллектива и каждого из его членов", т.е. традицию. "Взаимодействие с миром оборачивается взаимодействием с традицией" [16, с.19]. Рассмотрение концепта "дом" через призму виртуального - традиции - подтверждает зависимость смыслов, содержащихся в данном концепте, "от отношений и свойств традиции - структур сознания, породивших тексты" [16, с.6].

Обратимся к слову "дом", которое имеет древнейшую индоевропейскую историю и может рассказать многое. Исконный смысл корня трудно определить, полагают, что это сделанное самим человеком жилье, жилье вообще, и слово "дом" стало родовым обозначением жилья, а также всего, что в нем находится [6, с. 194]. В своей книге "Мир человека в слове Древней Руси" В.В. Колесов отмечает исключительную важность социального содержания этого термина, семантическое изменение значений которого всегда происходило только на фоне других, связанных по смыслу слов, и представляло собой постоянное развитие первоначально заданного в нем образа - "жилье, созданное самим человеком" [6, с.194].

Но исследователь приводит и другую точку зрения, высказанную Бенвенистом: в этом слове сошлись 3 древнейших корня, первоначально самостоятельных, но по звучанию очень похожих: дома "владычествовать" (т.е. руководить поступками домашних), demo "строить, сооружать" и dem(э) "дом как общественная организация", т.е. семья [6, с.194].

Здесь Колесов находит подтверждение и своему взгляду на "дом 2 как на социальный термин. Называя значения слова "дом" - 1) "здание", 2) "жилой дом" (или "кров"), 3) "люди, живущие в нем", 4) "хозяйство, имущество", он отмечает, что для современников основным значением является первое, в древности актуальным было третье ("род, семья"), а в Древней Руси - четвертое ("хозяйство"), что история этого важного слова заключалась в том, что по мере изменений социальных условий жизни актуализировалось то одно, то другое исконное его значение, но всегда при том сохранялись в нерасторжимом единстве и все остальные [6, с.194-195].

Ученый иллюстрирует данное положение словами из "Словаря русских народных говоров", среди которых много редких древних слов, приближающих нас к представлению о доме и домашнем, которое сохранялось в народе еще недавно. Он приводит 3 группы слов, производных от "дом" и выражающих народное понимание домашнего мира.

1. Слова с общим значением "искусственно выстроенное и для каких-либо определенных целей предназначенное сооружение":

домец - деревенская игра, род лапты;

домик - пчелиный улей;

домник - чан для варки пива;

домушка - будка для собаки;

домовище или домовина - гроб; сруб над могилой;

домовка - дом, жилище;

домовина - дом, постоянное жилье (в отличие от временки).

С помощью суффиксов конкретизируются оттенки значений в пределах общего для всех.

2. Слова, связанные с домашним хозяйством, материальным воплощением хозяйственной жизни "дома" (домаштво, домашность, домашество, домовье, доможира) и обозначающие хозяйку, которая таким хозяйством распоряжается.

3. Слова, определяющие "домашность" с другой стороны. В этих словах яснее всего выражается идея граничности дома: домашнее хозяйство словно изолирует, отстраняет человека от внешнего мира.

Старая дева - домака, домашка;

домосед - домач, доможира;

одинокий злой дух дома (мифологические пределы сознания) - домовушка, домовид, домовик, домови-тель, доможил.

Дом не только отделяет домашних от остального мира, изолирован и дом от дома, а граница и есть сам дом. По мнению В.В. Колесова, "идея одиночества, отверженности, замкнутости в пределах дома является несомненно поздней у русских крестьян, и на это указывает и способ образования слов - уже не с помощью старинных суффиксов, а путем осложнения 2-х корней" [6, с.195].

На основании тех примет, которые собраны в диалектном словаре, В.В. Колесов так определяет самое общее представление о "доме": "дом - построенное (созданное человеком) постоянное и специализированное жилье; населяющие его хозяева важнее и самого хозяйства, и возможных случайных посетителей дома (гостей; это понятие противопоставлено идее одиночества, отторженности хозяина от внешнего мира)" [6, с.196].

Таким образом, в основе народного представления о доме лежит не понятие о здании, а понятие о чем-то созданном, постоянном, общем для всех "своих", которые объединяются кровом такого дома. Словарь Даля под-

тверждает это значение: "Дом - родной кров; разумеется, со всеми припасами (хозяйством), со всем населением, объединенным родственными узами".

Исторические словари не противоречат такому выводу о смысле древнего слова. Древнейшие славянские производные от корня dom-, существующие в русских народных говорах, обозначают нечто домашнее, свое, родное и связаны с постоянным обитанием человека.

Откуда же значение "здание" у слова "дом"? В.В. Колесов считает, что смещение значений в слове "дом" произошло во многом под влиянием греческого языка. Греческое "oikia" прежде всего "здание", а потом уже - "семья" или даже "хозяйство". Таким образом, в ранний исторический период народное представление о доме как о границах "своего мира" столкнулось с понятиями новой книжной традиции и отныне слилось с нею. Конечно же, существенное влияние на смещение значений в слове "дом" оказали общественные и социальные изменения в Древней Руси. Наступление феодализма на родовой быт вызвало соответствующие изменения в языке. В.В. Колесов отмечает, что в древнерусских текстах "дом" как "здание" известно уже в 1230 г., как "жилище" - тоже с XIII в., но как "хозяйство" или "общее для всех имущество" - уже в "Русской правде", т.е. со времени осознания русской государственности и права [6, с.197].

Происходят изменения в обществе, меняется восприятие новыми поколениями сущности бытия, и понятие "дом" постепенно утрачивает одно за другим значения, ранее сплетенные в исходном корне. В.В. Колесов выделяет периоды, когда актуализировалось одно из значений: в родовом быту дом - это прежде всего населяющие его люди, в феодальном мире Древней Руси - хозяйство, и только ближе к нашему времени - здание, в котором может скрываться все это - и люди, и добро, и сама жизнь. По мнению ученого, влияние чужой культуры, раздвоение смысла между житейским и освященным, расхождение своеобразных стилей (литературного и обиходной речи) - все это так или иначе отразило в себе сужение смысла старинного корня: здание, форма - вот что такое дом, как его понимаем мы сегодня [6, с.199]. В системе русских представлений о границах "своего" дом - не последняя черта, за которой начинается "чужое". Вокруг дома - двор, служащий внешней границей владений. Само слово "двор" обозначало ограду, забор, защищавший все постройки вокруг жилого дома. Помимо граничного статуса, двор получает и высокий социальный статус. Общественное положение человека определялось по его месту в границах дома и двора. Дома - чада и домочадцы, придворные - при князем дворе, дворяне - при придворных, дворовые - при дворянах. Причем, "двор" сначала порождает класс дворян и только много позже - дворовых. Дворяне известны с XII в., дворовые - только с XVII в. [6, с.200].

Таким образом, граница "своего" и также представления о "своих" неустанно ширились: из дома они вышли во двор, а затем - за пределы двора. Система границ, сложившаяся в русской народной традиции не только четко обозначала пространственные и временные границы освоенного мира, но и регламентировала социальные, семейные и общественные отношения, вообще отношения с "чужими", а также ограничивала или регулировала контакты с сакральным. И в этой системе дом, как воплощение и границы и сакрального центра, занимает особое место.

Как отмечает Т. В. Цивьян, в словаре модели мира дом представляет собой одну из основополагающих семантем, и ее содержание отражает весьма сложные отношения в системе мир - человек, поскольку дом прежде всего промежуточное звено, связующее разные уровни в общей картине мира. С одной стороны, дом - принадлежность человека, олицетворение его вещного мира, с другой - дом связывает человека с внешним миром, "являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека" [15, с.68].

Представляя собой самостоятельное замкнутое пространство, ограниченное от внешнего мира и контролируемое человеком, дом противостоит открытости, неограниченности, неопределенности и хаосу чуждого пространства и является средством защиты от его опасностей для человека.

Т. В. Цивьян отмечает, что дом - это мир, приспособленный к масштабам человека, поэтому структура дома в основных чертах повторяет структуру внешнего мира; что созданный человеком и принадлежащий человеку дом существует отстраненно от него и приобретает самостоятельную значимость и активность, обеспечивая защиту живущих в нем людей и осуществляя связь с внешним миром [15, с.72].

В мире человека дом - это точка отсчета, центр мыслимого им пространства. Осваивая мир, человек движется от некой изначальной точки в пространстве, где он родился и вырос, где начинается его жизненный путь, - от своего дома, который в фольклорной традиции есть воплощение внутреннего, своего, родного, исходного и которому противостоит огромный чуждый и опасный мир. П. П. Червинский отмечает, что "оппозиция внутренний/внешний = свой/чужой составляет центральную ось взаимодействия человека с миром - точку отсчета, меру вещей, основу субъективной местоименности для языка, основу всех типов моделей культуры..., основную оппозицию фольклора" [16, с.24].

В традиционной картине мира дом являет собой особую систему, в которой совмещаются представления о внутреннем/внешнем, своем/чужом и части которой выполняют функции границ не только с миром реальным, видимым, но и с миром невидимым, миром мертвых. К таким границам относятся: порог, дверь, окно, углы, подпол, чердак, печь, печная труба. Эти элементы дома выполняют одну из важнейших функций человеческого жилища - обеспечивают вход/выход и укрытие от внешнего мира, визуальную и сакральную связь с окружающим миром. Если окна, дверь, порог - элементы дома, "открывающие" его, то стены, крыша, углы "закры-

вают" скрепляют его как в физическом, так и в мистическом смысле.

В семантической структуре дома одним из важнейших элементов является дверь, которая служит средством регламентированной связи с внешним миром, обеспечивает замкнутость жилищного пространства и безопасность находящихся внутри. В фольклорном мире закрытую изнутри дверь невозможно открыть снаружи [15, с.69].

По мнению некоторых исследователей, пространство дома полностью "закрыто", защищено от проникновения нечистой силы, но М. Власова в крестьянских поверьях находит свидетельства того, что лешие, русалки, водяные могут проникать в дома, черти и проклятые свободно забираются в избы, а домовые духи и покойники могут находиться в доме постоянно [4, с.20].

Дверь, укрепленная оберегами, нарисованным крестом, как правило, является непреодолимым препятствием для нечистой силы, ей противостоят окно и печная труба, которые служат входом/выходом для существ сверхъестественного мира.

Регламентирующую функцию двери дублируют связанные с ней элементы - замок и порог, которые также заключают в себе сакральный смысл. С образом двери, с действием отпирания двери, через которую на этот свет "впускается" новая жизнь, ассоциируются в народном сознании роды. Для благополучного исхода родов, для того, чтобы они были скорыми и легкими, отпирались все имеющиеся в доме замки, вплоть до самых маленьких [18, с.374]. Открытость материального элемента границы - замка - через магический механизм уподобления способствовала, по народным представлениям, размыканию сакральных границ между мирами и облегчала процесс перехода младенца из потустороннего бытия в земную жизнь. В триедином граничном комплексе - "замок, дверь, порог" - наибольшим сакральным статусом обладает порог как концентрированное выражение границы домашнего пространства.

Порог - символическая граница между домом и внешним миром, непроходимое препятствие для нечистой силы. Это не только граница между миром живых и миром мертвых, но и место обитания душ предков, охраняющих жилище. В соответствии с такими представлениями кое-где на Украине до XIX в. сохранялся обычай закапывать у порога умерших некрещеных младенцев, чтобы каждый, кто переступает порог, "крестил" их [12, с.319]. С порогом связано множество суеверий, которые основаны на мистической функции разграничения миров. Например, нельзя сидеть на пороге, особенно беременной женщине, которая и так находится в сфере влияния потусторонних сил, нося ребенка, который только в момент рождения окончательно перейдет из "того" мира в "этот". Порог, обладая магическими свойствами границы между мирами, может отрицательно повлиять на ребенка, его здоровье и здоровье матери, не "пустить" его в этот мир или даже "забрать" мать "туда" - в мир "иной" ("С брюхом ходить - смерть на вороту носить") [12, с.13].

В. И. Даль так описывает русские житейские правила, связанные с порогом: "Гостя встречай за порогом и пускай наперед себя через порог. Через порог не здороваются. Через порог руки не подают. В притолоку молитву заделывают, под порог заговоры кладут... на пороге не стоят. Купцы на пороге в лавке не стоят (покупателей отгонишь). Через порог ничего не принимать - будет ссора" [5, т.3, с.318]. Многие из этих запретов сохраняются и в современной жизни, что отмечает в своей книге Иван Панкеев. "Нельзя парню на пороге сидеть - никто за него замуж не пойдет" [9, с.23]. Здороваться и прощаться на пороге - к ссоре [9, с.55].

Подметая в доме, мусор надо мести не к порогу, а от порога, чтобы не вымести из дома богатство, благополучие, удачу, поскольку мусор олицетворяет собой свое, родное, хорошее [9, с.46].

Е. В. Миненок отмечает, что в русских деревнях и сегодня мусор не метут через порог, его собирают около порога в совок и сжигают в печи, что связано, по всей вероятности, с представлением о возможности насрать на дом, на семью порчу с помощью мусора [18, с.334].

Нельзя есть, переступая через порог: нечистый может вселиться. Действительно, переходя сакральную границу с открытым (жующим) ртом, человек позволяет нечистой силе вселиться в него [9, с.55].

Невесте нельзя одной переступать порог дома, где ей предстоит жить с мужем: или переступают вдвоем с женихом, или он вносит ее через порог на руках. Требование переступать порог вдвоем символизирует пожелание отныне все делать вдвоем в полном согласии [9, с.35], а также, возможно, боязнь несоответствия будущих судеб молодоженов, которые разномоментно пересекают сакральную границу, обладающую столь мощным магическим воздействием на жизнь людей. С этой мистической силой порога связан еще один обычай: непосредственно перед вхождением молодоженов в дом под порог кладут незапертый замок. Как только молодые входят, замок запирают на ключ и запертый замок тут же выбрасывают, причем так, чтобы его нельзя было найти, например, в колодец. Считается, что после этого муж и жена будут неразлучны, теперь у них единая жизнь и судьба. Этот обычай символизирует, что через свою вольную, "открытую" жизнь молодые уже перешагнули, оставили ее позади, что они отныне "заперты" друг с другом в единое целое - в семью [9, с.32].

После крещения ребенка при внесении его в дом, что представлялось как его первое внесение и приобщение к домашним ценностям, вход в дом маркировался тем, что на порог клались различные предметы домашнего обихода, через которые должны были переступить крестные вместе с ребенком или наступить на них. Иногда клали к порогу самого ребенка [2, с.26].

На похоронах при выносе гроба из дома в некоторых областях было принято ударять им по порогу, что сим-

волизировало прощание умершего с жилищем. На Харьковщине ребенок-сирота в день похорон отца или матери должен был съесть на пороге кусок хлеба с солью, чтобы не испытывать тоски и страха [10, с.157].

Таким образом, порог как материализованная сакральная граница, символизирующая начало и конец, занимает особое место в семейно-бытовых обрядах, сопровождающих важнейшие события человеческой жизни - рождение, крещение, свадьбу, похороны.

Священное отношение к порогу характерно не только для русских, оно широко распространено у многих азиатских народов. Так, Н. Веселовский, описывая обычаи монголов и татар, отмечал, что у этих народов порог жилища, т.е. юрты, "имел особенное, какое-то мистическое значение: ступить на порог не дозволялось безнаказанно никому ни в каком случае, даже нечаянно: а за нарушение неприкосновенности порога ханского шатра полагалась смертная казнь" [цит. 18, с.342]. В фольклоре других тюркских народов можно найти объяснение запрета касаться порога. Так, по представлениям киргиз-казаков, счастье и благополучие, как река, через порог течет в жилище, а потревожив порог, можно прервать течение этой реки. И счастье потечет мимо юрты [18, с.342]. Составитель русской части "Энциклопедии суеверий" Е. Миненок предполагает, что, возможно, поверья и запреты, связанные с порогом, были заимствованы русскими во времена монголо-татарского нашествия и этим можно объяснить повсеместное распространение такого рода суеверий [18, с.342].

Практически во всех ритуалах, сопровождающих важнейшие этапы жизни человека, присутствует порог и связанная с ним дверь. Так, в обряде свадебной поруки знахарь особое внимание уделяет углам, притолокам, дверям и порогам: читает над ними наговоры, кладет под порог ключ.

В свадебном обряде русских осыпание невесты и жениха зерном происходило каждый раз на пороге дома невесты или жениха, на других условных границах-переходах (у ворот, во дворе, в сенях), т.е. в моменты, когда участники обряда покидали "свою территорию" или возвращались назад [7, с.39].

Для защиты от ведьмы в дверные щели крестьяне затыкали крапиву или ветку осины, березы, клена; на порог слева клали нож, топор, косу и другие режущие и колющие предметы; рисовали на дверях кресты [12, с.72].

В русских народных представлениях окно фигурирует в качестве нерегламентированного входа или выхода, противопоставленного двери. Окно - "антидверь", потенциальный вход нечистых и темных сил. "Окно - это нормальная дверь нечисти, сил зла. По наоборотным законам наоборотного "лукавого" мира, выходить через дверь нечисть не может - она может воспользоваться антидверью: окном или печной трубой" [8, с.317].

Окна, двери, пороги, углы, дымоходы, печи, представляющие собой граничные объекты дома, обладают символической двойственностью, которая обусловлена тем, что они, подобно всем маргинальным объектам, принадлежат сразу двум мирам и способны и запирают границу, и открывать ее в случае необходимости, т.е. быть одновременно запором и каналом связи между мирами [1, с.11].

У многих славянских народов через окно передавали ребенка, "если дети в доме не ведутся". Передача ребенка в окно подчеркивала роль границы между внутренним, освоенным, своим пространством и внешним, чужим" [2, с.26]. Через окно выносили детей, которые умерли некрещеными, а иногда и взрослых покойников.

Во время агонии или сразу после смерти человека отворяли окно и ставили на него чашку с водой, чтобы душа, выйдя из тела, могла омыться и улететь [12, с.114].

Особое внимание уделяется окну в поминальной обрядности. Через него, согласно народным представлениям, происходит общение с душами умерших. Так, первый блин, испеченный на масляной неделе, клали на слуховое окно для умерших родителей [7, с.44]. На окно вывешивали полотенце, платок или кусок ткани, а на подоконник ставили стакан с водой, чтобы душа приходила умываться и вытерлась полотенцем; через окно проводили души после поминального вечера [12, с.114].

В причитаниях и народных песнях смерть влетает в окно черным вороном или сизым голубком. В приметах же любая птица, залетевшая в окно, сулит скорую смерть.

В снотолкованиях увидеть во сне дом без окон - к смерти, поскольку гроб в русских и украинских причитаниях уподобляется темному, без окон дому, и поэтому в нем иногда прорубали небольшое окошко [СМ 1995:114].

Негативный статус окна, противопоставляемого двери как выход из жилища, через который осуществляются контакты со сверхъестественными силами, подтверждается в русских заговорах. Так, в зачинах заговоров в зависимости от их направленности (благотворной или вредоносной) конструируется положительная или отрицательная граница, с помощью которой реализуется действие заговора. Так, в "Заговоре на поход" воссоздается позитивным образом преодолеваемых границ:

"Стану я раб, такой-то, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду я в чистое поле, стану на восток лицом, на запад хребтом" [11, с.72].

Или в "Заговоре на отстуду между мужем и женой" происходит целенаправленный контакт с темными силами посредством отрицательной границы - окна: "Стану я не благословясь, пойду не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а дымным окном за подвальным бревном" [11, с.73].

Помимо порога, двери и окна, манифестирующих входы-выходы из "своего" пространства в чужое, в сакральной топографии дома важное место занимают углы и печь. Особо почитаемым местом в доме является красный угол, а также расположенная от него по диагонали печь. Но части дома, которые претендуют на роль

его сакрального центра, в топографическом отношении занимают периферийное положение, что соответствует традиционным русским представлениям о сакральной топографии мира, о расположенности сакрального центра на периферии освоенного пространства.

В народных верованиях, языке и фольклоре угол символизирует весь дом, при этом "свой угол" последовательно противопоставляется "чужому", соотносимому со смертью, горем, запустением, бедностью [12, с.379]. В русском заговоре, произносимом для "богатства дома", символически воспроизводится внутренняя организация идеального дома: "Наша изба о четыре угла, во всяком углу по ангелу стоит. Сам Христос среди полу стоит, со крестом стоит, крестом градит, хлеб и соль, скот и живот, и всю нашу семью" [12, с.379].

Символизируя в народных обрядах внешнюю границу дома и двора, в частности, с воротами и порогом, угол требовал к себе особого внимания уже на этапе закладки и строительства дома. Так, для определения устойчивости будущей границы в углах будущего дома клали по камню, куску хлеба, сыпали по горсти пшеницы; если через 2-3 дня после этого предметы оставались на месте, считалось, что место выбрано удачно. Нерушимость границы дома закреплялась и при начале строительства: под углы фундамента закапывали ветки вербы, освященные в Вербное воскресенье, остатки освященной пасхальной пищи. Подкладывая под углы дома монеты или хлеб, пытались магическим образом обеспечить будущее благополучие дома, надеялись, что добро и богатство не будут переводиться в доме [12, с.379].

Как пограничное пространство, угол дома традиционно считался местом обитания нечистой силы, духов умерших, даже самой смерти.

Так, в рассказе В. Шукшина "Как умирал старик" смерть пришла из угла дома.

" - Агнюша, - с трудом сказал он, - прости меня... Я маленько полошный был... А хлеб-то - рясный-рясный..! А погляди-ко в углу-то кто? Кто там?

- Где, Степан?

- Да вон!... - Старик приподнялся на локте, каким-то жутким взглядом смотрел в угол избы - в передний.

- Вон же она, - сказал он, - вон... сидит гундосая". [17, с.591].

В связи с тем, что в углу живет домовая, по русским представлениям, под углом дома обитает домовая змея - по южнославянским поверьям, дом часто был объектом многих очистительных, апотропеических и умиловительных ритуалов. В России на Благовещение было принято окуривать углы изб от нечистой силы и болезней; белорусы, прогоняя домового, портившего скот, окуривали углы дома освященным маком и говорили: "Домовой, иди домой, эта хата моя". Также именно из углов дома и хлева символически выгоняли зиму кочергой на Фоминой неделе. Различные магические действия совершали в хозяйственных постройках. Для того, чтобы защитить дом от гадов, в Страстной четверг обливали холодной водой наружные углы; посыпали углы скорлупой освященных пасхальных яиц от мышей, снегом - от блох. Подобным же образом защищали и поля от грызунов, града и нечистой силы [12, с.380].

Снаружи под угол дома сносили и сжигали опасные для живущих в доме предметы, например, солому и мусор, оставшиеся после выноса покойного, выливали туда воду, которой омывали умершего. Также иногда под углом дома, воспринимаемым как аналог креста, хоронили некрещеных детей [12, с.380].

В славянских гаданиях и магии угол дома занимает особое место, поскольку связан с нечистой силой и вообще - со сферой потусторонней. Угол - "зона обостренно тревожная, "ничейная" и опасная. Поэтому именно из угла способна появиться всяческая нечисть" [8, с.314].

Как мы уже говорили ранее, особым объектом в доме, символизирующим сакральный центр дома и в то же время представляющим границу между "этим" миром и "тем", является печь. Б. А. Успенский отмечает, что к печи у русских людей особое отношение, по ряду признаков напоминающее отношение к иконам. Он приводит в качестве примера слова Афанасьева о том, что "очаг требует от людей целомудрия; соединение полов должно быть скрыто от него: дело, физически или нравственно не чистое, наносит ему оскорбление" [14, с.85].

При печи нельзя выругаться - "Сказав бы, да печь у хати!", подобно тому, как нельзя браниться при иконах. Б. А. Успенский отмечает функциональное и идеологическое сходство некоторых фразеологизмов, регламентирующих поведение человека при наличии поблизости печи или иконы. "Выражение "для твоей речи не выносить печи", которым останавливают нескромного рассказчика, находит соответствие в выражении "Хоть святых вон выноси", которое имеет в виду ругань или какое-либо бесчинство в присутствии икон" [14, с.185]. Святость печи подтверждается и тем фактом, что по старообрядческому обычаю иконы держали за печью или рядом с печью.

В восточнославянском фольклоре многочисленными фольклорными данными подтверждается амбивалентное значение печи одновременно как символа загробного мира и женского чрева. Интересен в этом отношении обряд "перепекания" детей, когда больного ребенка помещали в печь с целью символического сжигания болезни. Исследователь А. Л. Топорков, комментируя этот ритуал, отмечает, что, помимо сжигания болезни, он мог символизировать: повторное "выпекание" ребенка, подобно хлебу в печи, которая олицетворяет и женское чрево; временное возвращение ребенка в материнское чрево, символизируемое печью, и его второе рождение; временную смерть ребенка, его пребывание в ином мире (в печи) и возвращение в этот мир [13, с.116].

Таким образом, соединяя в себе характеристики сакральной границы и сакрального центра домашнего про-

странства, олицетворяя женское чрево как функционально сходное жизнотворящее начало, печь обладает наиболее высоким сакральным статусом в системе границ дома. Поэтому не случайно в печи обитает дух, охраняющий дом и его жильцов, - домовый. Образ домового связан с культом огня, очага; в русских поверьях домовый пребывает под печью, за печью, на печи или на чердаке, возле трубы.

Домовой соотносится с судьбой: обычно невидимый, а только слышимый или осязаемый домовый стонет и плачет перед бедой, "наваливается" на человека к неотвратимым переменам, а появляется, становится видим к несчастью. Причем появляется домовый-судьба в обличье недавно умерших обитателей дома или тех, кому предстоит опасно заболеть, умереть [4, с.135]. И эта сакральная связь домового с тем миром подтверждается сакральным статусом печи, которая является и сферой обитания домового, и границей между мирами, контактной зоной.

По представлениям русских крестьян, домовый - предок, покойник, двойник, рачительный "хозяин" дома, "хозяин" судеб живущих в доме людей, он следит за соблюдением определенных правил поведения в доме, требует к себе уважительного отношения и наказывает домочадцев, нарушивших традиционный устав. С представлениями о домовом связаны многие обряды русских крестьян.

В обряде приглашения домового из старого дома в новый действиями участников ритуала манифестируются границы домашнего пространства и тем самым структурируется виртуальное пространство с границами и центрами с заданными сакральными свойствами, которые также переносятся в пространство нового дома.

И. П. Сахаров так описывает этот обряд. Свекровь, или бабка, отправляет молодую хозяйку из старого дома в новый, а сама топит печь в последний раз, выгребает жар из печи в печурку, приготовляет горшок и скатерть и ждет полдня. Ровно в полдень свекровь кладет горячие угли в горшок, накрывает его скатертью, открывает дверь и, стоя на пороге, обращается к заднему углу: "Милости просим, дедушка, к нам на новое жилье". После этого она отправляется из старого дома на новый двор, где у растворенных ворот хозяин с хозяйкой уже ожидают дедушку с хлебом-солью. Подходя к воротам, свекровь стучится в вереву и спрашивает, рады ли хозяева гостям. Молодые хозяева с низким поклоном отвечают: "Милости просим, дедушка, на новое место". Потом все заходят в новый дом: впереди хозяин с хлебом-солью, за ним - свекровь, сзади провожает хозяйка. Войдя в новые покои, свекровь ставит горшок на печь, а сама скатертью трясет по всем углам, как будто выпуская домового, потом высыпает все уголья в печь. После этой процедуры вся семья садится за стол и радостно празднует переселение в новый дом. А горшок разбивают и ночью зарывают под передний угол дома [11, с.304].

Заканчивая разговор об особой символической роли печи во внутреннем пространстве дома, хочется подчеркнуть следующие ее особенности, отраженные в фольклоре:

- совмещение черт центра и границы;
- воплощение идеи дома в аспекте его полноты и благополучия;
- осуществление контактной функции между "этим" и "тем светом";
- олицетворение рождающего женского лона;
- манифестация идеи загробного мира, самого царства смерти;
- реализация функции оберега дома.

Разные символические значения печи актуализировались в зависимости от обрядового контекста.

Дом как центр освоенного человеком мира прекрасен несокрушимой своей силой, защищенностью, надежностью. Эти качества обеспечивали и границы дома, и обереги, укрепляющие эти границы. "Дом славянина был весь пронизан магической заклинательной символикой, с помощью которой люди стремились обеспечить себе сытость и тепло, безопасность и здоровье" [3, с.172].

Защитой служили прежде всего доброжелательные языческие символы, размещенные на самых уязвимых участках жилища и двора, которые обычно совпадали с границами домашнего пространства. Это была архитектурная резьба - конек на крыше, резные причелины с "громовыми знаками", изображения солнца, птиц, фигурки богини на вершине дома, конские головы. Сюжеты архитектурной резьбы близки сюжетам вышивок. И в архитектуре, и в одежде последовательно применялся один и тот же принцип размещения заклинательного орнамента: им украшали все проемы, отверстия, через которые злыдни могли проникнуть к человеку. Эти обереги в совокупности создавали охранительную зону дома, делали его недоступным для "злых духов" и убежищем для членов семьи [3, с.172].

Заклинательные действия начинались уже при выборе места под будущее жилье, сопровождали все этапы строительства дома и обряд переселения семьи в новый дом. Внутри дома имелось множество оберегов, все обиходные вещи были покрыты охраняющими знаками, помогающими одолеть зло внутри жилища. Главным оберегом в доме считалась печь, возле которой происходили главные ритуальные события - давались клятвы, заключались договоры. В подпечье обитал и дух, оберегающий дом и его жильцов, - домовый. Защищая дом от нечистой силы, над окнами и на двери вырезали кресты, подвешивали пучки трав - например, зверобоя, который, по поверью, отнимает злую силу у недоброжелателей [9, с.154].

Таким образом, дом - это не просто жилище человека, в традиционном русском сознании дом - это закодированная система сакральных границ и центров, воплощающая в себе представления о мире и организующая часть этого мира - домашнее пространство - в соответствии с потребностями человека в безопасном и надежном

жилище. Думаю, никого не придется убеждать в том, что современный русский дом сохранил в большой степени те же функциональные части, которые были у традиционного жилища, следовательно, имеет те же границы, которые почитались нашими предками как сакральные и выполняли именно сакральные функции.

Вопрос заключается лишь в том, как наши современники воспринимают эти границы дома, сохранилось ли к ним отношение как к сакральным объектам, если - да, то в какой мере.

Разумеется, мы не можем утверждать, что современные представления о доме и его границах идентичны традиционным русским воззрениям, описанным в данной статье. Но у нас нет оснований считать, что эти воззрения полностью ушли из нашей жизни, не оказав существенного влияния на современные суеверные представления. И сегодня актуальны многие запреты, связанные с частями дома (порог, дверь, печь, угол) и основанные на представлении о сакральности их граничной функции. Хотя связь с сакральностью зачастую не осознается людьми, утрачена, запреты выполняются по традиции, потому что "так надо", без особого понимания, почему "так надо". Живучесть запретов, примет, обрядов, связанных с граничными частями дома, подтверждает, на наш взгляд, сакральную природу этих объектов, отраженную в традиционном русском сознании и закрепленную в обрядовых действиях и охранительной символике.

Отстраненность современного массового сознания от древних суеверий кажущаяся: даже когда уходят старые, их сменяют новые суеверия, поскольку они занимают определенную нишу в народной культуре и выполняют свои специфические функции. Автор словаря русских суеверий М. Н. Власова считает, что суеверия представляют собой наиболее общие структуры сознания действительности, которые обладают удивительной устойчивостью и повторяемостью в разные эпохи и у разных народов и обнаруживают себя как мифологические "непреходящие основы" современного массового сознания [4, с.30]. Распространенные в наши дни и в сельской и в городской среде былички, рассказы о контактах со сверхъестественными существами, разговоры о колдовской порче, о гаданиях и встречах с покойниками подтверждают нашу точку зрения на суеверия как на устойчивый и неизбежный феномен народной культуры. И в современных суевериях дом представляется в соответствии с традиционными воззрениями русских крестьян как комплекс сакральных границ и центров, обеспечивающий безопасность и надежность домашнего пространства, только сакральность выражена в более скрытом, закодированном виде.

Литература

1. Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое. //Фольклор и этнография (Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры). – Л.: Наука, 1990.- С.3-17.
2. Байбурин А.К. Ритуал: между биологическим и социальным. //Фольклор и этнографическая действительность. – СПб.: Наука, 1992.- С.18-28.
3. Белякова Г.С. Славянская мифология: Книга для учащихся.- М.: Просвещение, 1995.
4. Власова М.Н. Новая АБВЕГА русских суеверий. - СПб.: Северо-Запад, 1995.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4.- М.: Русский язык, 1978.
6. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
7. Лаврентьева Л.С. Символические функции еды в обрядах. //Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л.: Наука, 1990.- С.37-47.
8. Новикова М.А. Пушкинский космос. Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина.- М.: Наследие, 1995.
9. Панкеев И.А. Тайны русских суеверий.- М.: Яуза, 1997.
10. Панкеев И.А. Русские обряды и суеверия.- М.: Яуза, 1998.
11. Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П.Сахаровым.- М.: Худож. лит., 1989.
12. Славянская мифология. Энциклопедический словарь.- М.: Эллис Лак, 1995.
13. Топорков А.Л. "Перепекание" детей в ритуалах и сказках восточных славян. //Фольклор и этнографическая действительность.- СПб.: Наука, 1992.- С.114-118.
14. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей.- М.: Изд-во МГУ, 1982.
15. Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (На материале балканских загадок). //Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. X.- Тарту. - Изд-во ТГУ, 1978.- С.65-85.
16. Червинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции.- Ростов: Изд-во РГУ, 1989.
17. Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 3-х томах. Рассказы 1960-1971 годов. - М.: Молодая гвардия, 1985.
18. Энциклопедия суеверий.- М.: Миф, Локид, 1995.